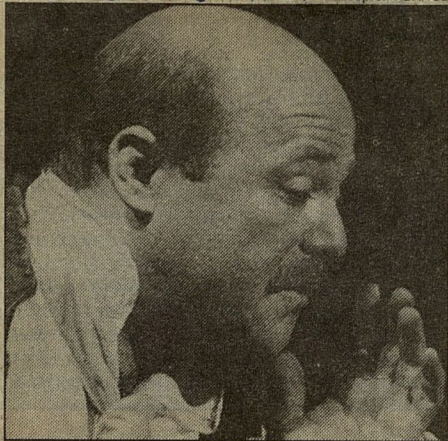

Александр Калягин: Я так живу

Общая таб. - 1994 - 95 - 29 дек. - 4 сев. (м.п.) - с. 11.

Сергей ИВАНОВ

— Некоторым уже удалось посмотреть ваш фильм «Прохиндида-2». Чем было вызвано желание сделать этот фильм?

— Я не собирался снимать эту картину. Ее должен был снимать сам Трегубович, снявший «Прохиндида» десять лет назад. Уже был написан сценарий и послан на «Ленфильм», но в это время пришло известие, что Виктор так нелепо погиб... Я знал, что должен сниматься в роли Прохиндея и, естественно, не готовился быть режиссером. Когда мне позвонили со студии с предложением, я несколько недель размышлял. Это был долг, дань памяти, но в какой-то степени и абсолютно самостоятельная работа. Конечно, мне было интересно, потому что это было авторское кино: я — режиссер, я актер... И актеры те же, что были в первой «Прохиндида», любимые — и Люся Гурченко, которую я обожаю, и Таня Догилева, и Леша Жарков, — в общем, действительно очень хорошая актерская компания, мне с ними было хорошо, и им со мной. Поэтому здесь сошлись и личный, и творческий интерес.

— Тетка Чарлея, Эзоп, Прохиндей... — кто из ваших персонажей по своему внутреннему состоянию вам наиболее близок?

— Трудно определить, какая роль моя, а какая не совсем. Все персонажи, которых я сыграл, с одной стороны, приходят ко мне как бы случайно, а с другой — все они выстраиваются затем в какую-то закономерность, в какой-то мой путь. Я играл в них личное, понимаете? Играл себя таким, каким я был в тот или иной момент жизни. Я вот недавно пересмотрел по телевизору «Эзоп»: никогда не думал, что эта роль так ляжет на мою личную жизнь, на мой характер. Я ненавижу рабство, я ненавижу вранье... Ненавижу то, что сейчас с Чечней творится, не могу я этого понять, надо быть просто с одной извилиной, чтобы не суметь в такой ситуации договориться. Это самое ужасное — бить по морде. Когда нет других аргументов, выставляют кулак и бьют тебя. И не надо мне выяснять, кто первый начал. Власть обязана уметь договориться.

Еще я ненавижу, когда меня унижают; я не люблю суетиться, мелькать на всякого рода презентациях. Для меня важен мой внутренний, душевный колодец, моя творческая кухня; то, что я вижу вокруг, мои ощущения, то, что я хочу воспринимать... В общем, я обязан был сыграть эту роль, потому что я так живу. Я не мог также не сыграть тетку Чарлея; обязан был, если хотите, сыграть Ленина — воспитанный на диссидентской литературе, я, тем не менее, обязан был ощутить, что такое фанатик, как это иногда благородно, но как это страшно и опасно, когда идея делает тебя рабом, и как она трансформируется, становится неуправляемой и начинает управлять тобой и окружающими людьми, обязан был ощутить трагедию одиночества этого человека. Случается порой, что актер как бы «притягивает» роли самую свою жизнь. И роли эти его иногда воспитывают. Меня, например, воспитал Чичиков. Воспитал, что называется очень «кстати», как бы в предчувствии этого времени, времени «мертвых

душ», когда человек-обыватель становится бизнесменом, и первые его большие деньги получены от продажи каких «мертвых душ»? За счет чего человек обогащается, каким обаянием он этого добивается, как он узок и в то же время как широк в своей стратегии. Это же поразительно, когда Чичиков произносит: эх, жаль, в Херсонской губернии мало вымерло крестьян... Человек делает богатство на смерти...

А если говорить о моем внутреннем состоянии сейчас, то я, наверное, становлюсь все более грустным. Я не сыграл бы сейчас тетку Чарлея так, как я ее сыграл тогда. Она получилась бы сегодня безумно грустной. Видимо, сейчас мне еще ближе, чем когда-либо, роль Эзопа. Может быть, еще роль Платонова в «Механическом пианино» — вот такие роли, философского или трагикомического плана, хотя и в полную трагедию, как Протасов из «Живого трупа», я не хочу впадать.

— С самых первых ваших шагов в актерской профессии и до сих пор вам сопутствует Чехов. Что для вас Чехов — случайность? Судьба?

— Так сложилось, и это подтвердила моя жизнь, что Чехов для меня — это не великий писатель, а родственник, близкий человек. Это воспитание, друзья, дом, душа — все вместе. Почему, я не знаю, но еще когда я был молодым и весьма упитанным актером мало похожим на Чехова по физическим данным, а очень хотелось нацепить чеховское пенсне, под Чехова причесть. Это изможденное лицо Чехова, его грустные глаза не давали мне покоя. Очень привлекал его внешний вид. Потом уже так получилось в моей жизни, что Чехов помогал в самые критические минуты. Это было и при поступлении в Шуйкинское училище, когда я прочитал рассказ «Мальчики»; и на втором курсе, когда меня хотели выгнать за профнепригодность, я сыграл тогда рассказ Чехова «Свидание хотя и состоялось, но...». И меня оставили на курсе. Это было и когда я поставил на своем курсе «Чайку», которую мы впоследствии возили в Америку. Ну, и три года работы с Настей Вертинской в Чеховской школе в Париже. А еще, конечно, работа над фильмом «Механическое пианино». Ведь так важно для актера, когда... в критический возраст (33–35 лет) тебе дают роль, благодаря которой ты можешь сделать новый творческий вдох, и я многое в себе понял благодаря этой роли.

— Когда-то вы сказали, что многое в нашей нынешней жизни понимаете, сопереживая ее именно с классикой, а не с современными произведениями. Вы не могли бы это расшифровать?

— Когда читаешь Гоголя, читаешь Чехова, выясняется, что ни одна лучшая статья какого-нибудь изумительного политолога или философа ничто по сравнению с классикой. Чтобы понять нынешнее состояние России, мне кажется, не надо ничего особенного читать, кроме разве что Гоголя. Или статьи Льва Толстого о пьянстве русского человека. Все в истории повторяется. И когда сейчас говорят, что «до большевизма было лучше», это глупость. Была та же Сибирь, все то же третье отделение царской охранки, немощный царь и абсолютно непросвещенное население. В чем мы изменились? Между коммунистическим правлением и нынешним демократическим, я, честно говоря, особой разницы не вижу. Что изменяет система? Она лишь может усугубить в нас какие-то качества, о которых писали Гоголь, Толстой, Достоевский. Сталинский режим усугубил то худшее, что уже было в русском народе. А другие политические системы могут, например, подчеркнуть благородные качества, которые тоже есть в народе. Это не значит, что какие-либо из качеств исчезают при одном строе или появляются. И не люблю я этих туманностей насчет загадочной русской души, ничего там загадочного нет, есть своеобразие ее — вся наша культура и история вызывают только к одному: пробуждению совести, к пробуждению стыда, чувства долга, ответственности...

Беседовала Наталья БОНДАРЕНКО